

Оглавление

Денис Драгунский. Бронзовые люди	9
От автора	12
Глава 1. «Синдром Площади Революции»	17
Прибытие поезда	20
«Да здравствует лучший метростроевец товарищ Каганович!»	21
Музей бронзовых фигур.	25
Слово Сталина — закон.	29
Старший брат	30
Маска	33
Глава 2. Модели	35
«Матрос с наганом»	35
Та, которая стоит	39
Медальон	41
Тетя Тамара	44
Про большой линкор «Марат»	49
Глава 3. Девушка с ружьем	56
Вера и Зоя	58
Шадр.	62
Девушка с веслом-2	67
Дина	70
Глава 4. Прототипы	72
«Неподготовленный рабочий человек»	72
Солдат	76
Инженер	77
Шахтер	81
Футболист	83
Советская семья образцовая.	85
И еще об одной семье	87

Глава 5. Карацупа	91
Настоящий Карацупа	92
Чекистский стаж	96
«Наш пострел»	99
Шпион Березкин	102
Когда страна прикажет быть шпионом, у нас шпионом становится любой.	106
Пуговица.	108
«Куды бечь?».	109
О том, как Карацупа стал елочной игрушкой	111
Это смутно мне напоминает...	114
Война	117
«Связник Блюхера»	120
Свинарка и Индус	122
Вторая волна.	125
И перекрыли Енисей...	127
«Наши пограничники — храбрые ребята...»	129
«Я много думал о том, что сделало Карацупу Карацупой»	131
Глава 6. Девушка с книгой	134
Война и мир	135
«Успокойтесь и правьте!»	140
«Зачем вы это сделали?»	144
Глава 7. «Матрос Железняк — партизан»	147
Папироса	153
«Кронштадтская республика».	161
Дача Дурново	163
Побег	178
Октябрьская ночь	181
Визит во флотский экипаж	184
В Москву.	186
«Караул устал...».	190
Над кем смеялись?.	196
Тем же вечером	197
«Ему разрешили выехать на юг...»	200
С грузинским Чапаевым.	203
Дан приказ ему в Одессу	209

Граница211
«Хая в кожаных штанах»213
Одесса, подполье214
«Там пели Мурку, пели песни про Япончика, там пели песни и про Сонькины лимончики»216
Наш бронепоезд220
Гибель222
Конец Япончика224
Ошибка227
Версия228
Похороны233
Надгробная надпись235
Люба237
Другая анархистка242
Отец ГУЛАГа243
Мажоров переулок244
Она Ленина видела250
Суд251
Нетерпеливые256
Глава 8. Иностраный консультант260
Лето 1989 года, Москва260
Все туда, а он — отсюда265
Лето 1929 года, Лос-Анджелес266
Весна 1932 года, Париж, Ленинград, Москва270
Первомай275
Сталинград, Челябинск, начало 1930-х281
«Пышка»283
Трудности перевода286
«Мой опыт в России был по сути борьбой против советской бюрократии»289
Реальность Голливуда293
«Соцгород»294
Москва, весна 1933 года300
Дважды два — пять304
Почему они вралы?310
Разлад314
Апрель 1933 года317

Эксперт322
Из командировки в Утопию326
Конец красивой жизни330
В минуту расставания скажи мне: «До свидания»335
Бараки, длинные как сроки336
Рассказы о Шолохове341
Судьба «Бремена»345
Возвращение346
Глава 9. Дело Кравченко348
Страх350
Авторство351
Коммунисты, вперед!354
Из плена в плен356
Не идиоты359
Глава 10. Тайна сожженной рукописи362
«Из какой жизни снимают?»362
«Трибуна из красного дерева»365
Последняя встреча.369

Денис Драгунский

БРОНЗОВЫЕ ЛЮДИ

Был в старом цирке такой номер — вернее, такое ампула. На манеж выходили атлетически сложенные мужчины и красивые стройные женщины, загримированные бронзовой блестящей краской. Под музыку они принимали разные позы — очень сложные, требующие особой ловкости и силы; время от времени они замирали, на них светили прожектора, и казалось — перед нами самые настоящие бронзовые статуи. Аплодисменты! Маэстро, туш!

Потом они шли в свою актерскую уборную, доставали хлеб и кефир, а младшего посылали на Центральный рынок, за огурцами. У каждого из них была своя жизнь, своя история, свои радости и драмы — разные, но ни чуточки не похожие на воображаемую жизнь римских императоров или гладиаторов, о которых фантазировал мальчик, глядя с цирковой галерки на «бронзовых людей».

Точно так же истории, рассказанные в этой книге, не имеют прямого отношения к бронзовым статуям работы Матвея Манизера, которые украшают станцию метро «Площадь Революции». Тем более что внучка скульптора решительно утверждает, что никаких исторических прототипов у этих статуй нет. Чисто собирательные образы. Что же, я ее вполне понимаю, ей гораздо приятнее, что-

бы творения ее деда воспринимались и были интересны именно как произведения искусства, а не как портреты знаменитостей.

Однако мифы складываются вне зависимости от желаний отдельных людей. Миф — это желание большой массы народа, а для народа, который сотнями тысяч проходил, проходит и будет проходить через главную станцию московского метро — «Площадь Революции» — эти люди стали совсем живыми.

Книга, которую вы держите в руках — о советской реальности и о советском мифе, который вырос на реальности, а потом породил реальность уже совершенно другую, но от этого не менее реальную. Поэтому, читая книгу, иногда кажется, что движешься внутри таинственного кольца, похожего на ленту Мебиуса — незаметно переходя из реальности в миф и обратно. В этой книге подробно и интересно рассказано о строительстве метро, и прежде всего — об этой замечательной станции; о том, как в ее зале вдруг возникли поначалу не запроектированные скульптуры (уже здесь начинается нечто таинственное); о том, как составлялся этот «сонм персонажей», подобный «сонму богов» античной древности. Ведь это не просто советские люди, это символизированные рабочий и колхозница, это умный инженер и счастливая семья, отважный воин, студентка, моряк, пограничник — почти Гефест и Деметра, Афина и Гермес, Гера и Арес, Аполлон, Посейдон и прочие важные лица, которые одновременно «олицетворяют» и «охраняют». Но, будучи символизированными, они получили свою человеческую реальность уже не в замысле художника, а в восприятии людей.

Вот здесь и появляются реальные люди, ставшие бронзовыми. О них подробно и интересно рассказывает Лев

Симкин в своих... заметках? очерках? исследованиях? повестях? Главы книги разнообразны по размеру и по жанру — тут и архивные разыскания, и исторические повествования, и лирические рассказы, авантюрная историческая повесть о легендарном матросе Железняке, и даже целый маленький почти роман об иностранном консультанте и советской кинозвезде.

Это разнообразие форматов и объемов наилучшим образом отражает смысловую и пространственную неразбериху советской жизни вообще и советского искусства в частности. Где громады высотных зданий и миниатюры палехских шкатулок, поднебесье подземелий и отчаянное вранье отчетов об изобилии — всё это славило Великую Страну, которой было суждено сгинуть в декабрьскую ночь 1991 года, оставив по себе станцию метро «Площадь Революции», и особенно — сияющий нос бронзовой собаки.

Почему эта мысль вообще пришла мне на ум? Если Россия, как говорит наш президент — это отдельная цивилизация, наравне с шумерской или древнеегипетской, то ее неотъемлемая составляющая — цивилизация советская. Возможно, уважаемые товарищи потомки, наших дней разбирая потемки, будут изучать следы этой цивилизации по скульптурам станции метро «Площадь Революции». Вот почему мне не раз приходила в голову мысль разузнать хоть что-то о людях, выбранных скульптором как типажи и даже архетипы советских людей — тех, кто участвовал в событиях 1917 года, и кто последующие 20 лет строил сталинский социализм.

Станция была возведена к 20-летию главного события в истории СССР — Великого Октября, как его принято было именовать. В «конкретных образах», как и положено в соцреализме, наглядно было продемонстрировано наше героическое прошлое и прекрасное настоящее — новая жизнь трудового народа в счастливой стране, где так вольно дышит человек. Скульптурные изваяния расставили в хронологическом порядке — согласно сталинской периодизации советской истории. Сначала «Героический период Гражданской войны», за ним — «Великий перелом» и «Первая пятилетка», стоявшая на трех китах — индустриализации, коллективизации и культурной революции. Так что пассажир, пройдя вдоль всего

подземного зала, мог воочию убедиться, как изменилась жизнь за два десятилетия.

*«Мы видим город Петроград в семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат, стреляют на ходу.
Рабочий тащит пулемет. Сейчас он вступит в бой.
Висит плакат: “Долой господ! Помещиков долой!”»*

Спустившегося с эскалатора пассажира встречали скульптуры рабочего-красногвардейца с гранатой и солдата с революционным бантом на шинели. Затем — крестьянин в лаптях и революционный матрос с наганом. Краснофлотец и пограничник с собакой, да две девушки — парашютистка Осоавиахима и «Ворошиловский стрелок».

*«Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути».*

Следом — шахтер-стахановец с отбойным молотком и молодой инженер, птичница с курицей и петухом и хлебороб-механизатор.

*«Знать, решили мы недаром, хлеборобы — мастера,
Чтоб ломилися амбары от кубанского добра.
...Мы с подружкой птичницы, птичницы-отличницы».*

Студент и студентка с книгой.

*«У московских студентов горячая кровь,
Неподкупные души и светлые лица.
От сибирских снегов и днепровских садов
Собрались мы в твои общежитья, столица!»*

Где труд и учеба, там спорт и отдых — девушка-дискболка и юноша-футболист.

*«Молодежь рабочая, молодежь колхозная,
Юность физкультурная радостью цветет!
Сталину великому песня молодежная
Звонким переливом свой привет несет!»*

И, наконец, советская семья образцовая — мать и отец с детьми, а за ними — подростки школьники, пионеры-авиамodelисты и пионерки-географы.

*«Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы, пионеры — дети рабочих!»*

И где бы ты ни шел, по центру зала, или по перрону, везде видел одно и то же. Фигуры расставляли в шахматном порядке, если смотреть по оси любого прохода — всего 80 скульптур, по две в каждой из сорока арок, каждая повторена по четыре раза (сейчас их осталось 76). Каждый раз проходя там, убеждался — все видят одно и то же, уклониться нет никакой возможности. Ну, совсем как в анекдоте времен застоя (18-летнего периода истории — 1964–1982 годы — когда страну возглавлял один человек).

Приходит человек с работы, усталый, включает телевизор, хочет кино посмотреть, а там Брежнев на трибуне партийного съезда, и по другой программе — то же самое, и по третьей, а по четвертой (последней, учебной) на экране появляется кагэбэшник и говорит: «Я тебе переключая».

Честно говоря, чем больше времени проходит, тем меньше хочется от уклоняться от встречи с персонажами

«Площади Революции». Напротив, тянет взглянуться и хоть что-то в них понять, а значит и в самих себе — такой вот инструмент нашей общей самоидентификации. Эта станция — живая история советской утопии, с живым дыханием людей, в нее веривших.

Правда, к революции как таковой отношение у нашего человека сложное. Нас, советских людей, учили, что революция — это хорошо, а царизм — плохо. В первые постсоветские годы выяснилось, что все обстоит с точностью до наоборот. Теперь, спустя три десятилетия, в чести новая официальная версия памяти о прошлом — все в нем, во все времена, оказывается, было не так уж и плохо. Прямо по графу Бенкендорфу — «прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Была, мол, Российская империя, потом образовался Советский Союз и, наконец, все это превратилось в Российскую Федерацию. Такая вот, извините за выражение, «постправда».

Не представляю, как все это вместе взятое соединилось в общественном сознании и как в нем могут не сталкиваться вещи прямо противоположные. Плюрализм в одной голове — шизофрения, как и было сказано. Ну пусть не шизофрения, но когнитивный диссонанс уж точно. Одни хотят от него вылечиться, других все устраивает, им комфортно оставаться в плену мифов, тем более они претендуют на истинность. К тому же, как известно, факты влияют на нас куда меньше, нежели эмоции и личные убеждения.

Думаю, не мне одному интересно, какими они были — люди, увековеченные на «Площади Революции». Казалось бы, узнать это труда не составляет, Сеть перед

глазами. Если набрать в поисковике название станции, выскочат ссылки на многие тысячи страниц с рассказами об этих людях.

При ближайшем рассмотрении, однако, обнаружилось, что в основном это фейки, выдуманные и запущенные в оборот уже в XXI веке. Сам скульптор никаких записей на этот счет не оставил, архивные изыскания к заметным результатам не привели. Кое-кого, правда, можно было «вычислить», и читателю предстоит узнать о них на последующих страницах. Когда же выяснилось, что таких не так уж много, мой замысел немного изменился. Так, помимо известных мне реальных «моделей» скульптур, в книге оказались рассказы об их прототипах и архетипах.

Какая стойкая ассоциация могла прийти в голову советскому человеку при виде революционного матроса, увешанного крест-накрест пулеметными лентами? Понятно, «матрос-партизан Железняк». А при виде пограничника с собакой? Знаменитый следопыт Карацупа. Какими они были на самом деле? Для того, чтобы попытаться это понять, пришлось изрядно попотеть, снимая с них пропагандистский глянец. Впрочем, автор нисколько не жалеет о потраченном времени. Надо сказать, ими дело не ограничилось, на обочине сюжета неожиданно возник иностранный консультант — американский инженер, имевший отношение к строительству метро, и его возлюбленная, советская кинозвезда. Они тоже стали персонажами этой книги, и их истории открыли мне глаза на многое в жизни людей того времени, о чем я прежде и не подозревал. Надеюсь, тут найдется кое-что новое и неожиданное и для читателя, желающего удовлетворить свое любопытство — за чужой (то есть за мой) счет.

«Синдром Площади Революции»

Может, слышали когда-нибудь о «синдроме Сикстинской капеллы»? Это когда туристы, глядя на расписанный Микеланджело потолок, теряют сознание. Чтобы разглядеть что-то, нужно запрокинуть голову, тут-то и пережимаются позвоночные артерии, и нарушается кровообращение головного мозга.

Выдуманный мною «синдром Площади Революции» — это когда пассажиры метро теряют разум, глядя на скульптуры Матвея Манизера, и, будто охваченные лихорадкой, на бегу за них хватаются. У кого-то — бессознательные навязчивые движения, у других — очень даже сознательные. В расчете «на успехи в личной жизни» девушки трут туфельку у «Студентки», юноши — у «Дискоболки». Верная примета сдать экзамен — потереть нос бронзового пса, того, что с «Пограничником». Прикосновение к шестерне в руке у «Инженера» принесет удачу в защите диссертации. Погладить петуха у «Птичницы» — это к деньгам.

Другой признак «синдрома Площади Революции» — истовая вера в советское прошлое. Его персонажи кажутся многим героями, им из сегодняшнего дня вслед за Николаем Тихоновым кажется, что гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей. Вообще-то

героический эпос больше характерен для минувших времен. Это людям далекого прошлого было свойственно эпическое мышление с его категориями великих героев, которые разрушают горы и останавливают реки. Но и нынче многим нужна вера в нечто подобное и, главное, ощущение того, что наши предшественники были сильными и могучими, «нас все боялись», и значит уважали. А все советское воспринимается как «потерянный рай».

Стены Сикстинской капеллы были расписаны живописцами — Боттичелли, Перуджино и Гирландайо, расписать же двадцатиметровый потолок поручили скульптору — Микеланджело. Реальную архитектуру капеллы он преобразил с помощью иллюзионистских приемов, вот почему свод потолка с его изгибами производит впечатление грандиозного архитектурного сооружения. И в московском метро было преображено пространство, задуманное архитектором станции Алексеем Душкиным. Он и не думал ни о каких скульптурах, на них настоял скульптор Матвей Манизер, заполонивший станцию бронзовыми фигурами. Микеланджело перевел скульптуру в плоскость, а Манизер, наоборот, плоскость — в скульптуру. И это, вероятно, то общее, что связывает построенную папой Сикстом IV в конце XV века капеллу и московскую станцию метро.

На потолок Сикстинской капеллы Микеланджело поместил девять сцен из Книги Бытия, первой книги Библии. Создание Богом небес и земли, первых мужчины и женщины, Адама и Евы, их грехопадение и изгнание их из рая, и, наконец, испытания, выпавшие на долю человечества. Смысл всего сюжета — в потребности человечества в Спасении. С ним схож замысел создателей «Площади Революции», поместивших рай под землю, туда, где